

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-226-230

© Г. Н. Беляк, © М. Н. Виролайнен

ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ГИПЕРОВЪЕКТ (ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ К ЦИФРОВОМУ)

Едва ли сегодня кто-то отождествляет произведение с его материальным носителем — автографом, копией или прижизненным изданием, которые могут содержать случайные напластования (цензура и автоцензура, ошибки и т. п.). Когда невозможность такого отождествления подверглась рефлексии в пушкинистике 1920–1930-х годов, была выдвинута концепция текста как идеального феномена, несводимого к его материальной фиксации. Г. О. Винокур, подробнее всех разработавший это представление, писал в 1927 году, что речь может идти только о бесконечном приближении к идеальному тексту, о «некоторой потенции его», о «частичном осуществлении того идеального задания», которое стоит перед ученым.¹ Эти убеждения оставались актуальными и в позднейшие десятилетия.² В результате при подготовке академического Полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 годов был узаконен практикуемый и в более ранних изданиях принцип контаминации разновременных источников. Нередко это приводило к появлению такого текста, какого автор никогда не писал, не видел и не держал в руках. Яркие примеры тому — стихотворение «Деревня» и трагедия «Борис Годунов».³

Представление об идеальной природе текста имеет достаточно сложный генезис. С одной стороны, оно перешло в текстологию литературы Нового времени из библейской критики, классической филологии и медиевистики, которые часто вынуждены реконструировать исходный текст на основании разных текстов-посредников. В этих случаях исходный текст идеален лишь в том смысле, что не существует в качестве, так сказать, материального предмета. Конечно, и в пушкинском наследии имеются произведения, известные только по спискам, но в большинстве случаев мы имеем дело с автографами и прижизненными изданиями. А если исходный текст наличествует и, тем не менее, объявляется недостижимым идеальным феноменом, ситуация в корне меняется, происходит подмена понятий и инверсия смыслов. Текстолог начинает трактовать тот вид, в котором текст зафиксирован в определенный момент времени рукописью или изданием, как всего лишь одну из акциденций его идеального бытия, которое начинает реконструироваться из общей совокупности акциденций — отсюда принцип контаминации на основе разных источников текста произведения с опорой на факты его творческой истории.

Часто кажется, что текстология — область сугубо прикладная, прагматическая. Между тем и критика текста, и принципы его подачи бывают самым тесным образом связаны с областью идей. Так, например, показательно, что для Г. О. Винокура одним из главных авторитетов в области герменевтики и критики текста был Фридрих Шлейер-

¹ Винокур Г. О. Критика поэтического текста. М., 1927. С. 59. На следующей странице Винокур цитирует слова Б. В. Томашевского из предисловия к подготовленному им изданию «Гавриилиады» (Пг., 1922): «Установление канонического текста <...> есть деятельность непрерывная, деятельность бесконечного приближения к идеалу, вообще недостижимому». О принципиальной разнице, имевшейся при этом в позициях Винокура и Томашевского, см.: Ларионова Е. О. «Борис Годунов»: Проблема критического текста // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43). С. 299–302.

² См., например, стенограмму относящихся к 1936 году выступлений С. М. Бонди, Б. В. Томашевского и Г. О. Винокура: Из истории советского академического издания сочинений Пушкина: Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 260, 270, 271, 274, 276.

³ См. примечания к ним в новом академическом издании: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2. Кн. 1. С. 592–594 (прим. Е. О. Ларионовой, О. С. Муравьевой и С. Б. Федотовой); 2009. Т. 7. С. 592–593 (прим. М. Н. Виролайнен и С. А. Фомичева).

махер.⁴ Опора на этот авторитет показательна: здесь важно и то, что Шлейермахер был филологом-классиком, и то, что он был протестантским теологом, и то, что он разработал понятие герменевтического круга, на которое Винокур опирается. Но может быть, важнее всего то, что, по Шлейермахеру, в творчестве создателя бессознательное преобладает над сознательным, а в творчестве интерпретатора сознательное преобладает над бессознательным. Интерпретатор, поэтому, может соучаствовать в творчестве, в своем диалоге с автором лучше понимая его, чем тот сам понимает себя. Весь этот круг идей, несомненно продуктивный в зоне чистой интерпретации, едва ли может быть без ущерба для дела перенесен на поле текстологии, стремящейся к точности. Когда такой перенос был осуществлен в первой половине XX века, суровая идеология эпохи вызвала к жизни подмену самих оснований принципа контаминации. То, что изначально трактовалось как приближение к недостижимой идеальной природе текста, стало восприниматься как восстановление его объективных черт. Не случайно за текстом произведения, помещенным в основном корпусе академического издания, закрепилось определение «канонический».⁵

Между тем великие пушкинисты, готовившие разделы «Других редакций и вариантов» в издании 1937–1949 годов, не случайно отказались от транскрипции, схватывающей только застывшую графику черновика: они стремились передать *процесс* создания произведения.⁶ Трудно сказать, было ли тогда осознано противоречие между этим стремлением и представлением о каноническом тексте как об остановленной раз и навсегда реальности. Ясно лишь, что к концу XX века понятие «канонический текст» было вытеснено более мягкими, но все же достаточно определенными понятиями «основной» или «критический» текст.

Склонность культуры к определенному и застывшему постоянно чередуется с любовью к текучему и подвижному. Последняя тенденция была ярко выражена во второй половине XX столетия. Предлагая обоснование интертекстуального подхода, Ролан Барт писал: «Текст подлежит наблюдению не как законченный, застывший продукт, а как его производство, „включенное“ в другие тексты, другие коды и тем самым связанное с обществом, с историей, но не по детерминистским законам, а путем межтекстовых ассоциаций».⁷ Идея о том, что текст — не продукт, а его производство, генетически связанная с провозглашенной еще Гумбольдтом идеей о том, что язык — не предмет, а деятельность, стала чрезвычайно популярной в последние десятилетия минувшего века.

Любопытно, что попытка уйти от текста как однозначной заданности была предпринята в далекой от всякого теоретизирования пушкинистике Института русской литературы. В первом томе нового академического Полного собрания сочинений Пушкина (СПб., 1999) В. Э. Вацуру решил поместить в основном корпусе произведений сразу две редакции лицейских стихотворений — раннюю и позднее переработанную. Примеру последовали редакторы Полного собрания сочинений и писем Баратынского,⁸ приняв более радикальное решение: здесь в основном корпусе представлены *все* имеющиеся редакции *всех* стихотворений.

Эти принципы не вызвали единодушной поддержки. Сложившиеся навыки обращения с текстом требуют определенности: какую редакцию нужно цитировать? какую перепечатывать в массовых изданиях? какую преподносить школьникам? В томах

⁴ См., например: Винокур Г. О. Критика поэтического текста. С. 25–27.

⁵ Задача выработки «неопровержимого» и «вечного» канонического корпуса пушкинских текстов была выдвинута еще М. Л. Гофманом — см.: Гофман М. Л. Пушкин: Первая глава науки о Пушкине. Пг., 1922. С. 101.

⁶ См., например, выступления по этому поводу С. М. Бонди и Д. П. Якубовича: Из истории советского академического издания сочинений Пушкина. С. 261, 264.

⁷ Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9. Лингвостилистика. С. 307.

⁸ См.: Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1 / Руководитель проекта А. М. Песков; ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. В следующих томах, вышедших в 2002 и 2012 годах, выдержан тот же принцип.

нового академического издания Пушкина, следующих за первым, случаи представления в основном корпусе двух редакций сведены к минимуму — они допускаются лишь тогда, когда редакции самостоятельны и, так сказать, равноценны, а их параллельная подача позволяет избежать контаминации источников.

Наиболее радикальный способ фиксации текста в его неподвижной данности — представление его в виде последней прижизненной публикации (или последней рукописной версии, если текст не был опубликован), со всеми ее особенностями, включая орфографические и пунктуационные. Несколько огрубляя принципы издания Баратынского 2002–2012 годов, можно сказать, что оно демонстрирует фундаментальное противоречие современного выбора между статикой и динамикой при подаче текста: стихотворение предстает в основном корпусе как череда сменяющих друг друга редакций, но каждая из них является копией своего источника (своего рода «транскрипцией»), которая всего лишь переводит в другой шрифт изображенное на листе бумаги). Принципы статики и динамики скорее оспаривают, чем дополняют друг друга.

Эти противоречия в большой своей части продиктованы условиями книжного формата. Книга не может быть безразмерной, в ней фиксируется лишь самое важное (то, что признано самым важным), в ней должны реализоваться принятые при ее подготовке единые принципы (эти, и никакие другие), она задает линейное однонаправленное чтение. Впрочем, последнее условие действует только в пределах внутренне связанных фрагментов: собранные в томе произведения можно читать вразброс, а разделы «Другие редакции и варианты» и комментарии, обладая частичной автономией, так сказать, параллельны основному корпусу текстов.

Описанные противоречия, как и многие другие, могут быть сняты при переводе академического издания в электронный формат. Речь идет, разумеется, не о цифровом воспроизведении книги, а о тех новых способах организации материала, которые предлагает проект «Пушкин <цифровой>». При всей новизне электронных возможностей, некоторые важнейшие из принятых в рамках проекта решений подсказаны традициями, подчас весьма давними.

Спор между статикой и динамикой в передаче и восприятии объектов культуры возникал неоднократно. Один из способов его разрешения был найден много веков назад в русской иконописи, представлявшей канонический образ святого, окруженный клеймами, изображавшими ключевые эпизоды истории его жизни. Каждый эпизод чаще всего был статичен, но в целом была заложена динамика восприятия (движение и перефокусировка взгляда того, кто предстоит иконе). Отношения между центральным образом и клеймами были строго иерархичными: размер и композиционное положение фигуры святого придавали ей подобающее значение и канонический статус. Давно отмечена зависимость церковной живописи от процесса чтения: иконы не только почитаются, но и «читаются» — так же, как внутривхрамовая настенная роспись, зачастую разворачивающая эпизоды Священного Писания в их текстовой последовательности. Однако линейной однонаправленности процесса чтения здесь также противостоит свобода перемещения в храме и выбора позиции внутри него. Некое композиционное подобие этому можно видеть в средневековых рукописях Талмуда: центральный текст окружен комментариями, иногда несколькими concentрическими их кольцами; комментарии могут оспаривать и сам текст, и друг друга.

Во всех этих случаях и текст, и изображения ограничены одним условием: они располагаются на двухмерной плоскости. Такую же плоскость представляет собой и экран компьютера, но он способен отобразить и трехмерный мир, что создает новую степень свободы в представлении материала. Впрочем, и в рамках двух измерений открываются принципиально новые, сравнительно с книгой, возможности. Прежде чем их описывать, необходимо сказать несколько слов о самом проекте и его базовых принципах.

Проект «Пушкин <цифровой>» задуман в Пушкинском Доме и осуществляется совместно с Университетом ИТМО и ФИЦ РАН. Цель проекта — представление в цифровом формате результатов почти двухсотлетней деятельности пушкинистов, и в первую очередь — результатов работы над научными изданиями Пушкина. Возникший

в отделе пушкиноведения академического института, проект мотивирован стремлением сохранить академические традиции в быстро меняющемся контексте цифровой виртуальной реальности. Этим продиктованы и принципы представления текста, и понимание самой его природы.

Отказавшись от понятия «канонический текст», текстологи ничуть не понизили значения критически подготовленного текста, который помещается в основном корпусе произведений. Они лишь признали, что сама критика текста не дает раз и навсегда фиксированного результата, поскольку она развивается, как и всякая наука. На портале мы имеем возможность сохранить все версии научно подготовленных основных текстов, отдавая приоритетное место последнему из них, но в то же время делая расхождение между ними частью истории текста, доступной ученому. Очевидным преимуществом электронного издания перед бумажным является возможность вносить коррективы в последнюю (приоритетную) версию текста.

Другое столь же очевидное преимущество электронного издания перед книжным — неограниченность его объема. Прежде всего оно позволяет экспонировать все рукописи Пушкина, впервые специально подготовленные в рамках проекта сотрудниками Рукописного отдела Пушкинского Дома, а также все прижизненные издания — источники основного текста. Отметим, что это сразу снимает предмет многолетнего спора двух текстологических школ (условно называемых петербургской и московской) по вопросу о том, следует ли модернизировать орфографический и пунктуационный режим текстов, или же единственно достоверным является аутентичное воспроизведение источника. В электронном издании это перестает быть альтернативой. Но расширение круга его материалов идет гораздо дальше, и, как увидим, это в конечном счете ведет к переосмыслению самой природы произведения. Вначале, однако, перечислим хотя бы основные направления такого расширения.

Основными источниками материалов портала являются академическое Полное собрание сочинений Пушкина 1937–1949 годов, новое Полное собрание сочинений, тома которого готовятся в Пушкинском Доме, и подготовленная там же «Пушкинская энциклопедия» (серия «Произведения», завершенная в 2024 году). Но по мере развития и пополнения портала на нем будут появляться: все другие авторитетные издания Пушкина, от посмертного, подготовленного Жуковским, до выпущенных в XX веке; пушкиниана XIX–XXI столетий; книги, сохранившиеся в составе библиотеки Пушкина; журналы и другие издания пушкинского времени; разного рода справочные материалы. Важно отметить, что добавление каждого нового круга источников ставит новые задачи по обработке и извлечению информации, по разметке и описанию, а иногда требует дополнения или изменения структур данных. В результате разметки в научных комментариях и статьях, которые непосредственно относятся к произведению, постепенно выделяются все упомянутые в них другие статьи и издания, исторические лица, географические названия, события, художественные или эпистолярные тексты Пушкина и других авторов. Каждое такое упоминание связывается с помощью гиперссылки с отдельной страницей, на которой представлены соответствующие документы, публикации, сведения о персоналиях, о событиях, дате и т. д. В свою очередь, от каждой страницы мы можем перейти ко всем другим материалам портала, в которых содержатся отсылки к ней. Объекты, ранее разнесенные по разным частям бумажного издания, разным книгам или даже архивам, теперь окажутся собраны в одном пространстве и соположены друг другу. А значит, эти материалы станут доступны не только для сквозного поиска, но и для того, чтобы на основании выделенных признаков и связей производить новые сопоставления — например, сравнивать произведения между собой на основании групп связанных с ними потенциальных претекстов, сходства набора документов, относящихся к творческой истории этих произведений, или каких-либо других формализованных связей. Та информация, которая потенциально содержалась в научной литературе, будет объединена, актуализирована и визуализирована в интерфейсе.

Вернемся теперь к основной проблеме статьи: как меняется в результате подобной организации портала понимание самой природы произведения? Оно оказывается

включено в разветвленную и подвижную систему связей, постоянно пополняемую и в пределе неисчерпаемую. Совокупность этих связей отражает жизнь произведения: его движение от рукописи к тому, что мы называем основным (или критическим) текстом, через прижизненные и позднейшие печатные воплощения; его погруженность в контексты (биографические, литературные, исторические); его оценки и интерпретации. Пушкинский текст, сохраняя свою целостность и определенность, оставаясь основным и центральным, перестает быть замкнутой системой, он раскрывает свои границы, не разрушая их. Что же касается границ того поля, в котором осуществляется жизнь произведения, то они всегда остаются подвижными, потенциально расширяемыми. Внутренняя связность такого поля, представленного на портале, может постоянно возрастать по мере добавления новых типов разметки, выявляющей новые классы объектов и формализующей новые свойства их отношений.

Если понятие «текст» понимать в том значении, в каком принято говорить, например, о «петербургском тексте», то жизнь пушкинского произведения, погруженную в описанное поле связей, можно трактовать как его виртуальный текст, который следует отличать от его основного текста. Можно сказать, что произведение становится гиперобъектом.

Мы используем этот термин, пришедший из информатики, в смысле, близком, но не тождественном тому, какой придан ему философом и экологом Тимоти Муртоном, пытавшимся характеризовать с помощью этого понятия такие феномены, как, в частности, глобальное потепление или экономические отношения.⁹ Термин быстро перешел в другие области — его, например, стали применять для описания городской среды.¹⁰ Ограничивая объем понятия, предложенный Муртоном, который использовал его для описания катастрофических процессов, выделим те свойства гиперобъектов, которые представляются принципиально важными в нашем контексте. К числу таких свойств относятся следующие. Гиперобъекты формируются связью между многочисленными объектами, и сама эта связь многомерна. В отличие от обычных объектов, гиперобъекты не локализованы в пространстве и времени, они не подлежат непосредственному восприятию, которое каждый раз улавливает лишь их рассредоточенные части. Не обладая непосредственным проявлением, гиперобъекты не являются абстракцией — их бытие онтично в отнюдь не метафорическом смысле. Все это подходит для описания жизни произведения, которая осуществляется, проявляется и фиксируется в конкретных, но рассредоточенных точках пространства и времени, получает множественные текстовые воплощения, представляя собой, однако, подвижное целое, формируемое многочисленными связями. Многомерность таких связей принципиально не переводима в то, что может быть отображено на листе (листах) бумаги. Жизнь произведения как гиперобъекта существует вся целиком и постоянно возрастает, но ее полнота всегда остается виртуальной. Представлению этой жизни и должен служить, по замыслу его создателей, портал «Пушкин <цифровой>». Так на новом этапе развития культуры к нам возвращается представление об «идеальном тексте». Но теперь речь идет уже не о произведении, бытие которого подлежит реконструкции с опорой на такие методы, как контаминация, а о приближении к тому смыслу, который восходит к Шлейермахеру, к траекториям движения по герменевтическому кругу, вновь и вновь связующего текст и контекст.

⁹ См.: Муртон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В. Абраменко. Пермь, 2019.

¹⁰ См.: Вилейкис А., Ханова П. Город — гиперобъект: Введение // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 4. С. 7–16.

Гавриил Николаевич Беляк

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Gavriil Nikolaevich Belyak

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0002-7990-3167

gabriel.belyak@gmail.com

Мария Наумовна Виrolainen

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Mariia Naumovna Virolainen

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0892-5556

virolainen@mail.ru

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ГИПЕРОБЪЕКТ
(ОТ АКАДЕМИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ К ЦИФРОВОМУ)**

**A WORK OF LITERATURE AS A HYPER-OBJECT
(FROM AN ACADEMIC TO A DIGITAL PUBLICATION)**

В статье рассматривается переосмысление природы произведения при его размещении на портале «Пушкин <цифровой>», наследующем академическому изданию Пушкина, но резко отличном по содержанию и композиции от книжного формата. Предложена концепция произведения как гиперобъекта, погруженного в систему связей, актуализируемых и визуализируемых в интерфейсе.

Ключевые слова: произведение, Пушкин, академическое издание, текст, гиперобъект.

The article examines the existential reinterpretation of a literary work, once it is posted on the «Pushkin <digital>» portal, the successor of the academic edition of Pushkin's legacy, that is dramatically different from the book format in its content and composition. The concept of a literary work as a hyper-object immersed in a system of links that are constantly updated and visualized in the interface is proposed.

Key words: literary work, Pushkin, academic edition, text, hyper-object.

Список литературы

1. *Барт Р.* Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. Вып. 9. Лингвостилистика.
2. *Боратынский Е. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2002. Т. 1 / Руководитель проекта А. М. Песков; ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков.
3. *Вилейкис А., Ханова П.* Город — гиперобъект: Введение // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 4.
4. *Ларионова Е. О.* «Борис Годунов»: Проблема критического текста // Пушкин и его современники. СПб., 2005. Вып. 4 (43).
5. *Мортон Т.* Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В. Абраменко. Пермь, 2019.

6. Обсуждение тома драматургии на заседании Пушкинской комиссии 21 апреля 1936 г. / Публ. А. Л. Гришунина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14.
7. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004–2009. Т. 2. Кн. 1; Т. 7.

References

1. *Bart R.* Tekstovyi analiz // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. М., 1980. Vyp. 9. Lingvostilistika.
2. *Boratynskii E. A.* Poln. sobr. soch. i pisem. М., 2002. Т. 1 / Rukovoditel' proekta А. М. Peskov; red. А. R. Zaretskii, А. М. Peskov, I. А. Pil'shchikov.
3. *Larionova E. O.* «Boris Godunov»: Problema kriticheskogo teksta // *Pushkin i ego sovremenniki*. SPb., 2005. Vyp. 4 (43).
4. *Morton T.* Giperob"ekty: Filosofii i ekologii posle kontsa mira / Per. s angl. V. Abramenko. Perm', 2019.
5. Obsuzhdenie toma dramaturgii na zasedanii Pushkinskoi komissii 21 apreliia 1936 g. / Publ. А. L. Grishunina // *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. L., 1991. Т. 14.
6. *Pushkin A. S.* Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004–2009. Т. 2. Кн. 1; Т. 7.
7. *Vileikis A., Khanova P.* Gorod — giperob"ekt: Vvedenie // *Gorodskie issledovaniia i praktiki*. 2021. Т. 6. № 4.

Андрей Юрьевич Соловьев

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Andrei Iurievich Solovev

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0851-4199

an.solovjov@gmail.com

**НЕУЧТЕННАЯ РЕДАКЦИЯ
РАННЕГО ПЕРЕВОДА А. Д. КАНТЕМИРА**

**A NEGLECTED VERSION
OF AN EARLY TRANSLATION BY A. D. KANTEMIR**

В заметке рассматривается оставшийся без внимания вариант перевода «Письма некоего сицилианца...» П. Дж. Мараны, хранящийся в архиве Паниных (РГАДА). Обосновывается гипотеза о том, что данный текст представляет собой переработанную редакцию перевода А. Д. Кантемиром этого произведения.

Ключевые слова: А. Д. Кантемир, П. Дж. Марана, перевод, русско-французские литературные связи, «Письмо некоего сицилианца...».

The article examines a neglected translation of the *Letter of a Certain Sicilian* by P. J. Marana, stored in the Panin Archive (RGADA). It is suggested that this text represents a revised version of A. D. Kantemir's translation of this work.

Key words: A. D. Kantemir, P. J. Marana, translation, Russian-French literary links, *The Letter of a Certain Sicilian*.

Список литературы

1. *Градова Б. А.* Первые переводы А. Д. Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985.
2. *Градова Б. А.* Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983.